

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ «ЛЕС И СТЕПЬ» И. С. ТУРГЕНЕВА И «АНТОНОВСКИЕ ЯБЛОКИ» И. А. БУНИНА

Время является одной из важнейших категорий человеческого бытия. Создание художественной действительности как модели реального мира требует выражения темпоральных отношений. В языке время представлено как особая языковая категория темпоральности, имеющая разветвленную систему выражения значений. Согласно А. В. Бондарко, темпоральность – это функционально-семантическая категория, охватывающая различные языковые средства выражения времени [1, с. 11]. Разнообразие в выражении темпоральных отношений позволяет исследовать их специфику применительно к каждому писателю и произведению. Рассмотрим выражение темпоральных отношений в произведениях «Лес и степь» И. С. Тургенева и «Антоновские яблоки» И. А. Бунина.

«Лес и степь» (1848) И. С. Тургенева и «Антоновские яблоки» (1900) И. А. Бунина – это тексты ретроспективного характера, тексты-воспоминания. В обоих текстах отмечено стремление к активной коммуникации с читателем, проявляющееся в употреблении местоимений 2-го лица *ты, вы*, грамматическая функция которых – наименование собеседника. В «Лесе и степи» И. С. Тургенева употребляются оба слова, в «Антоновских яблоках» И. А. Бунина – только местоимение *ты*, подчеркивающее отсутствие в общении дистанции и различий между собеседниками. В фокус внимания обоих писателей попадают изменения природы, четко зафиксированные указателями времени. Различия между произведениями отчасти определяются тематикой: И. С. Тургенев на первый план выводит тему охоты, рассматриваемую вместе с бытием природы, в то время как И. А. Бунин выделяет бытие дворянской усадьбы, тесно связанное с жизнью крестьян, природой, охотой. Текст И. А. Бунина сложнее в смысловом отношении: автор-рассказчик, кроме любования природой, ощущает невозвратность прошлого. Общим содержательным компонентом произведений является общая положительная оценка воспоминаний, любование описываемыми картинами. Поэтому буквально рефреном повторяется в повествованиях лексема *хорош*.

Так, в «Лесу и степи» И. С. Тургенева встречается: *«И как этот же самый лес хорош поздней осенью, когда прилетают вальдишны!»* [3, с. 317]. И. А. Бунин ощущает восхищение не только по отношению к природе, но и по отношению к укладу жизни: *«Но хороша и эта нищенская мелкопоместная жизнь!»* [2, с. 312]. Восхищение четче прослеживается в «Антоновских яблоках», так как они были написаны на рубеже веков – во время, когда, в отличие от середины XIX века, все менялось.

Оба текста имеют сложную систему темпоральных отношений. Центральным средством выражения темпоральности являются глаголы в прямом и переносном значении. В тексте И. С. Тургенева глагольные формы в прямом значении используются ограниченно – в обрамлении повествования. Их функция – передать ход мыслей автора-рассказчика, ввести в повествование читателя, поэтому наиболее частотной формой является настоящее актуальное: *«Читателю, может быть, уже наскучили мои записки; спешу успокоить его обещанием ограничиться напечатанными отрывками; но, расставаясь с ним, не могу не сказать несколько слов об охоте»* [3, с. 314].

В повествовании И. А. Бунина глагольные формы в прямом значении используются шире, чем у И. С. Тургенева. В тексте распространены формы прошедшего несовершенного в значениях «длительность протекания действия», «бытийность», «результат предшествующего действия». Значение длительности поддерживается лексическими значениями слов. Так, в предложении: *«Случалось, что у такого гостеприимного хозяина охота жила по нескольку дней»* [2, с. 310] предлог *по* указывает на распределение действия в течение определенного периода, сочетание *несколько дней* также имеет темпоральное значение. С точки зрения идейного содержания произведения важным является употребление глаголов в бытийном значении: грамматическая идея бытийности поддерживает интенцию автора описать быт дворянской усадьбы: *«К тому же наши Выселки спокон веку, еще со времен дедушки, славились “богатством”»* [2, с. 304]. В предложениях с глаголами несовершенного вида в значении «результат предшествующего действия» содержатся наблюдения автора, которые используются как толчок для развития микро-темы и как ее логическое окончание: *«Крепостного права я не знал и не видел, но, помню, у тетки Анны Герасимовны чувствовал его»* [2, с. 306]. Формы прошедшего совершенного (аориста) используются

редко, так как основная цель автора – описать время существования дворянской усадьбы: *«Потом бабьим летом паутины много село на поля»* [2, с. 301]. Значимость в реализации идейного содержания произведения форма аориста приобретает в следующем контексте: *«Правда, сохранились некоторые из таких усадеб еще и до сего времени, но в них уже нет жизни...»* [2, с. 307]. Оппозиция грамматических значений предшествования / момента речи показывает изменения жизни. Кроме того, лексическое значение глагола *сохраниться* «не исчезнуть, остаться в силе» в сочетании *сохранились до сего времени* противопоставлено смыслу сочетания *нет жизни*. Повтор сказуемого в безличном предложении и контекстное противопоставление, заключающееся в отсутствии привычных примет дворянской жизни, усиливают оппозицию: *«Нет троек, нет верховых “киргизов”, нет гончих и борзых собак, нет дворни и нет самого обладателя всего этого – помещика-охотника, вроде моего покойного шурина Арсения Семеныча»* [2, с. 307].

В тексте «Антоновских яблок» смысловым центром настоящего времени являются формы настоящего актуального. Это глаголы чувственного восприятия: *вспоминается, помню, вижу, чувствую*. Временная отнесенность этих глаголов к настоящему времени показывает, что прошлое для автора реально, живо. Они выступают как средство актуализации воспоминаний и воссоздания образа времени: *«Помню большой, весь золотой, подсохший и поредевший сад, помню кленовые аллеи, тонкий аромат опавшей листвы и – запах антоновских яблок, запах меда и осенней свежести»* [2, с. 301]. Форма настоящего актуального может вносить особый смысл в высказывание: *«И помню, мне порою казалось на редкость заманчивым быть мужиком»* [2, с. 305]. Глагольная форма *казалось* вступает в грамматическую оппозицию с формой *помню*, выражая завершенность действия: И. А. Бунин разочаровался в прелести быть мужиком. Формы настоящего постоянного имеют вневременное и внепространственное значение, создавая вневременный образ деревенской жизни: *«А «осень и зима хороши живут, коли на Лаврентия вода тиха и дождик»* [2, с. 301].

И. А. Бунина тревожит и волнует прошлое, в настоящем он обращается к прошлому. Следовательно, будущее – это то, что для него малозначимо. Языковой материал подтверждает данное наблюдение: в тексте отсутствует употребление форм будущего времени в прямом значении.

В текстах распространено употребление глагольных форм в переносном значении, создающих атмосферу прошлого времени. В «Лесе и степи» основным типом переноса является употребление настоящего исторического. Данное употребление (*выходите, мигают, набегают, слышится* и др.) оживляет рассказ о минувших событиях, создает впечатление, что прошедшие действия происходят в момент речи. Кроме того, они имеют семантику длительности, позволяют «ощутить» описываемую ситуацию. В конструкции с глаголами в настоящем историческом времени проникают формы прошедшего совершенного: «*Вот вы сели; лошади разом тронулись, громко застучала телега...*» [3, с. 314]. Их функция – передать перфектное значение, представить результат действия: в отличие от форм настоящего исторического они не вносят в текст семантику длительности. В некоторых случаях аорист подчеркивает перемещение в пространстве: «*Но вот вы отъехали версты четыре...*» [3, с. 314]. Категория пространства связана с категорией времени: движение в пространстве невозможно без движения во времени. Среди форм настоящего исторического также употребляются формы будущего времени, представляющие прошедшее действие как то, которое произойдет, для проникновения читателя в ситуацию: «*Вы раздвинете мокрый куст – вас так и обдаст накопившимся теплым запахом ночи...*» [3, с. 315].

В «Антоновских яблоках» И. А. Бунина основными формами переноса является настоящее историческое и настоящее-будущее совершенное. Настоящее историческое представляет события прошлого как часть настоящего, что особенно важно для составления детального образа времени: «*Воздух так чист, точно его совсем нет, по всему саду раздаются голоса и скрип телег*» [2, с. 301]. Часто настоящее историческое передает личные ощущения рассказчика: «*В светлом и людном доме очень тепло после целого дня на холоде в поле*» [2, с. 310]. Оно может использоваться при описании ситуаций различной степени обобщенности. Так, может описываться праздник – повторяющийся из года в год период времени: «*И до вечера в саду толпится народ, слышится около шалаша смех и говор, а иногда и топот пляски...*» [2, с. 302]. Неполные предложения сближаются с настоящим историческим, выводя на первый план состояние, ощущаемое человеком: «*Всюду тишина и чистота, хотя, кажется, кресла, столы с инкрустациями и зеркала в узеньких и*

витых золотых рамах никогда не трогались с места» [2, с. 301]. В предложении: «Пора на охоту!» [2, с. 308], кроме значения настоящего исторического, выражается также значение долженствования, необходимости. Формы прошедшего времени в контексте настоящего исторического выражают значение перфектности: «*Это тархане, мещане-садовники, наняли мужиков и насыпают яблоки...*» [2, с. 301]. Перфектность может выражаться формой причастия: «*Около шалаша валяются рогожи, ящики, всякие истрепанные пожитки, вырыта земляная печка*» [2, с. 302].

Настоящее-будущее совершенное выступает в переносном значении, обозначая действие в прошлом как то, что произойдет. В контексте с настоящим историческим оно подчеркивает неожиданность уже свершившегося действия: «*И вдруг все это скользнет с яблонь – и тень упадет по всей аллее, от шалаша до самой калитки...*» [2, с. 303]. Оно также может актуализировать внимание на образе действия: «*Выйдет она важно, но приветливо...*» [2, с. 307]. Вместе с подчинительным союзом *пока* данная временная форма может указывать на временной предел действия: «*Долго ты глядишь в его темно-синюю глубину, переполненную созвездиями, пока не поплывет земля под ногами*» [2, с. 303]. Периферийным средством выражения темпоральности являются лексические конкретизаторы (существительные, прилагательные, наречия). В тексте «Лес и степь» И. С. Тургенева используются следующие обозначения времени существительными: 1) названия временных единиц (*час*); 2) названия частей суток (*утро, день, вечер, ночь, заря*); 3) названия времен года (*весна, поздняя осень*). Употребляются прилагательные с временной семантикой: *прошлогодня* листва, *осенний* запах, *осенний* день, *поздняя* осень, *зимний* день, *весенние* дни, *летнее июльское* утро, *летние* дни. Особенностью указания на время у И. С. Тургенева является стремление к конкретизации за счет указания на пору года: *летнее июльское* утро, *зимний, осенний, весенний, летний* день. Из наречий употребляются *наконец*, подчеркивающее достижение результата, *давным-давно*, а также *весной, летом, утром*, указывающие на пору года или время суток. В целом в функции неглагольной номинации времени у Тургенева доминирует беспредложное употребление существительных. Идея времени может выражаться через наименование явлений, предметов, характерных для определенного времени суток. Так, звезды можно увидеть только ночью:

«На темно-сером небе кое-где мигают звезды...» [3, с. 314]. Особым обозначением времени является слово *жизнь*, так как здесь временной отрезок является промежутком в вечности, данным конкретному человеку. Время характеризуется по мерке человека, в отличие от таких лексем, как *весна, утро*, обозначающих время природы, – время цикличное, вечное, неограниченное, в отличие от имеющей конец человеческой жизни.

В «Антоновских яблоках» лексические конкретизаторы, выраженные существительными, могут быть разделены на следующие семантические группы: 1) названия временных единиц (*час, год, век, столетие*); 2) названия частей суток (*целый день, несколько дней, сумерки, утром, раннее утро, вечером, зимняя ночь, ранняя утренняя заря, раннее ноябрьское утро, в полдень, ночь, поздняя ночь, ужин, обедня, обед, заря, ранняя заря*); 3) названия дней недели и месяцев (*август, сентябрь, октябрь, ноябрь*); 4) названия времен года (*осень, зима, лето, ранняя осень, глубокая осень*); 5) названия праздников, трапез (*праздник св. Лаврентия, престольные праздники, Петровки, праздничные дни, обед, ужин*); 6) названия неопределенных отрезков времени (*пора, прежние времена, до сего времени, миг*). На наш взгляд, в данную группу могут быть отнесены также слова *жизнь*: «И старинная мечтательная жизнь встанет перед тобою...» [2, с. 312] – и *старина*: «Выйдет она важно, но приветливо, и сейчас же под бесконечные разговоры про старину, про наследства, начинают появляться угощения...» [2, с. 307]; 7) возрастные характеристики человека (*детство, старик, старуха*); 8) фазовые характеристики действия, отражающие отношение к границам временного отрезка (*дни начала октября, в середине месяца*). Кроме существительных конкретизируют временное значение прилагательные: *осенняя свежесть, утреннее солнце, ночная лень, старое крыльцо, осеннее небо, старая мебель, осенняя прохлада, осеннее поле, зимняя ночь, старинная жизнь, зимние рамы, зимняя свежесть, раннее ноябрьское утро, старая кухарка*. У И. А. Бунина прилагательные, имеющие отношение ко времени, имеют более широкую сочетаемость, чем у И. С. Тургенева: прилагательные с временным значением служат средством описания качества предмета. Об этом ярко свидетельствует употребление с одним словом разных прилагательных: *осенняя свежесть* и *зимняя свежесть*. В выражении временных отношений участвуют наречия: *поздно, рано, долго, подолгу, прежде, по-зимнему, летом, зимой*.

В рассматриваемых произведениях категория темпоральности представляет собой сложно организованную структуру. Однако в тексте И. А. Бунина шире набор грамматических и лексических средств выражения темпоральной специфики. Формы в прямом значении выступают как средство организации повествования. Глагольные формы в прямом значении у И. С. Тургенева только обрамляют повествование, в то время как у И. А. Бунина формы в прямом употреблении становятся средством отражения авторского замысла на протяжении всего текста. Так, формы прошедшего времени со значением бытийности на грамматическом уровне реализуют идею описания, глаголы в значении «результат предшествующего действия» становятся средством движения микротем. Глаголы чувственного восприятия в настоящем актуальном становятся средством воссоздания прошлого, глаголы в настоящем постоянном создают вневременный образ деревенской жизни. Переносные формы глаголов расширяют смысл обоих произведений, в них реализуется примерно одинаковый набор данных форм. Настоящее историческое становится средством оживления рассказа о прошлом, передает значимую для текста описания семантику длительности. Однако у И. А. Бунина настоящее историческое часто передает личные ощущения рассказчика, реже – ситуации большой степени обобщенности. Аорист в конструкциях с глаголами в настоящем историческом передает перфектное значение. Настоящее-будущее совершенное представляет действие в прошлом как то, что произойдет. У И. А. Бунина оно является средством выражения неожиданности действия и средством актуализации внимания на образе действия. Темпоральные лексемы в произведениях конкретизируют глагольное выражение времени согласно потребностям художественного текста.

Исследуемые тексты – «Лес и степь» И. С. Тургенева и «Антоновские яблоки» И. А. Бунина – показывают сходство стиля и мировоззрения писателей. Однако произведение И. А. Бунина включает более богатое идейное содержание, большее разнообразие языковых средств в выражении темпоральных отношений. Тем не менее оба автора, опираясь на использованные языковые средства, детально отобразили временную модель действительности.

Литература

1. Бондарко, А. В. Грамматическая категория и контекст / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1971. – 115 с.

2. Бунин, И. А. Жизнь Арсеньева. Темные аллеи. Повести и рассказы / И. А. Бунин. – М. : Эксмо, 2006. – 800 с.

3. Тургенев, И. С. Записки охотника : рассказы / И. С. Тургенев. – Минск : Ураджай, 1979. – 320 с.